УДК 930.2:314.1 ГРНТИ 03.01.07;03.23.55;05.31.15
Код ВАК 07.00.09

Е.Ю. Баранов
Екатеринбург

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ В XX В.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая демография, теория демографического развития, историография, демографическая история, демографический переход, демографическая модернизация.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется методологический инструментарий современной отечественной исторической демографии. Показано, что методологическую альтернативу достаточно распространенной теории демографического перехода составляют регионоведческий и инстуциональный подходы.

E.Yu. Baranov
Yekaterinburg

DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION IN RUSSIA IN THE XX CENTURY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO HISTORICAL RESEARCH

KEY WORDS: historical demography, demographic development theory, historiography, demographic history, demographic transition, demographic modernization.

ABSTRACT. The article analyzes the methodological instruments of modern national historical demography. It was demonstrated that the regional studies and institutional approaches constitute methodological alternative to the quite common demographic transition theory.

В населении России в XX в. произошли серьезные количественные и качественные изменения, обусловленные процессами урбанизации и модернизации, а также воздействием таких экзогенных факторов социальной среды, как войны, эпидемии, голод. Для осмысления демографической трансформации исследователи используют различные методологические походы и инструментарий, которые разработаны

профессиональными демографами. В современной науке в качестве методологического инструмента исследований демографической динамики широко используется теория демографического перехода, появившаяся в зарубежной литературе в 1930–1940-е гг. В рамках этой теории фундаментальные перемены в демографическом поведении объясняются сменой исторических типов воспроизводства населения. Традиционному типу воспроизводства населения, получившему распространение в аграрных обществах, свойственен неустойчивый баланс между высокой смертностью и высокой рождаемостью населения в условиях сильной зависимости демографической динамики от экзогенных факторов природного и социального происхождения (климат, голод, эпидемии и т.д.). Для современного типа воспроизводства, порожденного переходом от аграрной экономики к индустриальной, характерны низкие уровни смертности и рождаемости, демографическое равновесие достигается при развитии гибких и активных демографических отношений, подразумевающих автономность демографического поведения семьи и индивида.

Существенный вклад в распространение теории демографического перехода в нашей стране внес известный демограф А.Г. Вишневский. В 1976 г.была издана его монография «Демографическая революция», в которой выделено несколько качественных изменений, возникающих в демографической системе и процессе ее регулирования вследствие демографической революции: демографическое старение; повышение управляемости и устойчивости демографического процесса; рост экономичности воспроизводства населения; «рационализация индивидуального жизненного цикла», позволяющая сократить период человеческой жизни, предназначенный для производства потомства. «Традиционная» модель демографической революции(демографического переворота) предполагает асинхронность наступления ее фаз – снижение смертности обгоняет снижение рождаемости, что обусловливает демографический взрыв, «мощность» которого зависит от внешних социально-исторических условий. Демограф выявил несколько исторических сценариев демографической революции, согласно одному из них вследствие практически одновременного начала двух фаз переворота и почти параллельного снижения смертности

и рождаемости население фактически минует демографический взрыв. В качестве примера действия этой схемы он привел демографические перевороты во Франции и СССР. Ученый указал на то, что в СССР переход к новому типу смертности происходил быстрее, чем во Франции, переход к новому типу рождаемости был также «не менее быстрым», а демографический взрыв при этом был зафиксирован лишь «у некоторой части населения страны, в частности в республиках Средней Азии» (3. С. 162, 164–165, 198–199).Сегодня исторический пример отсутствия демографического взрыва во Франции А.Г. Вишневский рассматривает как отдельное исключение в ходе процесса демографической модернизации (4. С. 399). В современной историко-демографической литературе, в том числе и в работах, выполненных под руководством А.Г.Вишневского, доказывается, что население России избежало демографического взрыва, и ему не удалось накопить демографический ресурс вследствие негативного влияния социально-демографических катаклизмов в первой половине XX века.

Теория демографического перехода долгое время почти не выступала в роли методологического конструкта исторических интерпретаций. Историографическая ситуация изменилась после издания в 2006 г. коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», подготовленной под руководством А.Г.Вишневского. В этой книге коренные перемены в демографическом поведении, обусловленные демографическим переходом, рассматриваются в качестве демографической модернизации. Причем, российско-советская «догоняющая» модернизация, в том числе и ее демографическая составляющая, обозначена как «консервативная». Она обеспечивала быстрые и достаточно эффективные «инструментальные», прежде всего, технико-технологические, достижения за счет сохранения многих ключевых элементов «традиционалистского социального устройства» (4. С. 11).

В монографии показано, что в XX в. население России отходило от традиционных форм демографического и семейного поведения. Вековым трендом демографического развития стало падение рождаемости. В середине последнего десятилетия XX в. эволюция рождаемости в России, по мнению авторов, перешла в новую фазу, в ходе которой происходят перестройка ее возрастной

модели и отказ от раннего начала прокреации. Поколения, родившиеся в 1970-е гг. первыми, в России продемонстрировали брачное и репродуктивное поведение, которое свидетельствует о начале так называемого «второго демографического перехода» (4. С.249). В рамках этой концепции объясняются демографические изменения, стадиально соотносящиеся со становлением постиндустриального общества и связанные с сильным расширением свободы выбора в демографическом поведении индивида. Эти изменения включают откладывание вступления в брак и рождения детей на более поздний возраст, в особенности первого ребенка, интенсивный рост числа незарегистрированных браков, рост внебрачной рождаемости.

Сокращение смертности, прежде всего, младенческой, детской, сдвиг смертности в сторону старших возрастов, и как следствие рост продолжительности жизни, – это, по мнению авторов монографии, «достижения» демографической модернизации в стране. Хотя на динамике ожидаемой продолжительности жизни в первой половине столетия отразилась серия демографических катастроф, к концу 1950-х гг. она выросла по официальным данным до 69 лет (68,9 г.). После 1965 г. начался этап стагнации или даже снижения (у мужчин) продолжительности жизни, отставание от большинства развитых стран по этому показателю до конца столетия преодолеть так и не удалось. До конца XX в. демографическая модернизация в стране, по мнению демографов, оставалась незавершенной (4. С. 257, 270, 272, 382–383, 393).

Концепция, предлагаемая А.Г.Вишневским и его коллегами, предполагает объективную заданность демографического развития всех стран и регионов мира, движение населения по одному вектору, через одни и те же стадии, к общему результирующему состоянию. Различные социальные обстоятельства в рамках этой модели демографического перехода могут обеспечить только временное внешнее воздействие на ход демографической модернизации, обусловив специфику конкретно-исторических деталей, тайминговый сдвиг какой-либо фазы, но никак не отклонение от генеральной стратегии этой трансформации. Такой конструкт имеет своих сторонников, но также подвергается серьезной критике в научном сообществе. Оппонентами универсальной схемы демографического развития в качестве ведущих аргументов используются, прежде всего, доводы о

наличии значительной региональной демографической дифференциации, а также о существовании более глубокой зависимости демографической динамики от факторов социальной среды.

В современном российском обществоведении оппонентом парадигмы демографического перехода выступает М.А. Клупт, методологическую основу исследований которого составляют регионоведческий и инстуциональный подходы. Он указывает на то, что теория демографического перехода базируется на принципах «стадиального детерминизма» и «стадиального редукционизма». Региональное демографическое разнообразие, связанное с влиянием факторов природной и социальной среды, обуславливает, по мнению М.А. Клупта, постоянные сбои в интерпретационной и прогностической работе теорий демографической конвергенции. Он предлагает разрабатывать «теории среднего уровня», занимающие промежуточное положение между эмпирическими исследованиями и концептуальными обобщениями, претендующими на глобальный масштаб, и предназначенные для описания и объяснения закономерностей демографического развития регионов мира. Этот подход позволяет говорить о существовании комплекса национальных и региональных моделей демографического развития.

Теории среднего уровня создаются на основе институционального подхода. Под институтами М.А. Клупт понимает, во-первых, комплексы формальных (законы) и неформальных (обычаи, традиции) правил, принятых в обществе, во-вторых, субъекты социальных отношений (государство, семья, институты здравоохранения, правопорядка и т.д.), наделенные правами и ресурсами для поддержания правил жизни общества, и, в-третьих, устоявшиеся в обществе способы социального поведения и стереотипы мышления. В ходе общественного развития из взаимосвязанной совокупности социальных институтов формируется институциональная структура, которая выступает инструментом адаптации человеческого общества к экзогенной (природной, техногенной, экономической и т.д.) среде и соответственно зависит от предшествующего социально-исторического опыта, по сущности, она является институциональной матрицей («геномом») общества, позволяющей сохранить его целостность. Институциональные структуры

общества, сформировавшиеся в различных регионах Земли, обладают своей спецификой, они являются, как полагает М.А. Клупт, источником региональных демографических различий. В научном мире говорят о «западной» и «восточной» институциональных матрицах, геноме восточных обществ, институциональной матрице российского общества (8. С. 7, 10, 267–268, 271–278).

Ученый указал на игнорирование теорией демографического перехода эмпирической информации, фиксирующей региональные «демографические феномены», являющиеся, как он считает, необъяснимыми в рамках этой теории. В качестве примера такого «демографического феномена» для России М.А. Клупт привел ситуацию с отсутствием снижения смертности взрослых мужчин в ходе процесса модернизации, а также со стагнацией или снижением ожидаемой продолжительности жизни населения, продолжавшуюся с середины 1960-х гг. Последнее обстоятельство, по мнению А.Г. Вишневского, свидетельствовало о незавершенности процесса демографической модернизации в стране. М.А. Клупт в свою очередь обращает внимание на то, что кризис продолжительности жизни в стране охватил период, который включает часть советской эпохи, этапы экономического спада 1990-х гг. и «подъема» начала XXI в. Наблюдение кризисных явлений в различных социально-экономических и политических условиях позволило ему говорить о роли факторов культуры. Демограф делает вывод о значительной роли специфического «социокультурного синдрома», который заключался в ослаблении влияния культуры и идеологии, ранее направленного на формирование образа здоровой и конструктивной жизни, а также в уменьшении государственного контроля над жизнью общества.

Полемизируя с А.Г. Вишневским в отношении российской рождаемости, М.А. Клупт указывает, что ее траектория на протяжении периода 1980–2005 гг. менее всего походила на повторение с учетом запаздывания линий движения этого процесса в США и странах Северной и Западной Европы. Одной из причин снижения суммарного коэффициента рождаемости в 1990-е гг. стало увеличение возраста рождения первого ребенка. М.А. Клупт пишет, что некоторые демографы считают подобный процесс признаком начала второго демографического перехода в стране, при этом он ссылается на указанную выше работу, выполненную

под руководством А.Г. Вишневского. По его же мнению, тезис о приближении репродуктивного поведения россиян к европейской модели справедлив применительно к «социально продвинутым» молодым поколениям в мегаполисах. М.А. Клупт заключает, что феномен сверхнизкой рождаемости в России в конце прошлого века выражается в падении значений этого показателя до более низкого, чем в большинстве развитых стран мира, уровня (1,2–1,3 рождения в среднем на одну женщину). И эта негативная тенденция во многом была следствием «трансформационного кризиса», поразившего страну в 1990-е гг. (8. С. 11, 263, 302–304, 312–314, 318–323).

Рассмотренный исследовательский подход обладает серьезными междисциплинарными инструментально-методологическими возможностями и предполагает проведение всестороннего анализа цивилизационных особенностей регионов, реализацию глубокого исследования роли природных, социально-экономических, политических и социокультурных факторов демографического развития.

Несмотря на критику теории демографического перехода, этот концепт получил достаточно широкое распространение в российской профессионально-исторической среде (1; 2; 5; 6; 7; 9; 10). В.Б. Жиромская считает, что одна из особенностей демографического перехода в России заключалась в дискретном характере этого процесса, его признаки были очень неустойчивыми и даже периодически исчезали, что было связано с неоднократным воздействием негативных социальных факторов на общий ход демографической модернизации. Значительная роль экзогенных факторов, сохранявших свое влияние на демографические процессы в течение долгого времени, также рассматривается историком в качестве специфической черты демографического перехода в стране. Третья особенность демографического перехода в России, по мнению В.Б. Жиромской, состоит в том, что он развивался в условиях глубокой деформации половозрастной пирамиды. Дисбаланс полов в пользу женщин, который наблюдался в советский период, начал сглаживаться только в конце 1960-х – начале 1970-х гг., хотя и не был преодолен. В возрастной структуре населения страны в XX в. можно зафиксировать несколько «демографических ям», обусловленных последствиями Гражданской и Великой Отечественной войн и социального

бедствия в начале 1930-х гг. Отсутствие «демографического выигрыша» (существенного прироста населения) вследствие воздействия социальных потрясений первой половины века на длительность и соотношение фаз переходного процесса также выделяется историком в качестве специфической характеристики отечественного варианта демографического перехода.

В.Б. Жиромская пишет, что демографический переход в России был, в основных чертах, завершен к середине 1970-х гг., однако застойные явления в экономике, отставание страны по ряду ведущих показателей технологической революции, в том числе в сфере фармакологии и медицины, отдалили завершение модернизационного процесса. В 1990-е гг. демографический кризис сопровождался депопуляцией «отдельных этносов, особенно русского», и длительная демографическая стабилизация вновь была прервана. В.Б. Жиромская указывает на то, что кризисная демографическая ситуация не являлась закономерным результатом демографического перехода, а, наоборот, была связана с нарушением процесса демографической модернизации (5. С. 11–12, 19–26, 248).

В последнее время появились историко-демографические исследования городской и сельской семьи в России, реализованные на основе парадигмы демографического перехода, в отношении института семьи предполагающей осуществление перехода от патриархальной многодетной семьи к семье нуклеарной малодетной. По мнению О.М. Вербицкой, на рубеже 1920–1930-х гг. наступил новый этап трансформации российской сельской семьи, начавшийся с политики коллективизации и раскулачивания, и условно датируемый 1929–1959 гг. На этом этапе процесс обновления семейно-брачных отношений у жителей села заметно ускорился, и сельская семья вступила на путь постепенного перехода «от патриархальности к современности». Важнейшим фактором перемен стало «углубление урбанизационных процессов», вследствие чего усилилась миграционная активность жителей села, покидавших деревню (2. С. 14, 270). Н.А. Араловец считает, что для брачно-семейных отношений горожан в конце 1920-х – 1930-е гг. было характерно и ранее наблюдавшееся явление увеличения экономической и морально-психологической самостоятельности женщин, в мотивации вступления в брак и создания семьи значительно возросло «значение взаимных чувств»,

а урбанизация и атеистические настроения в обществе способствовали трансформации «традиционного сознания населения». Величина городской семьи сокращалась в значительной степени в связи с понижением в ней числа детей, что было обусловлено изменениями в репродуктивном поведении населения, последствием которых было дальнейшее распространение внутрисемейного регулирования рождаемости (1. С. 241–244). Эти исследования свидетельствуют о трансформации брачно-семейного поведения.

Таким образом, существенный вклад в адаптацию и разработку теории демографического перехода применительно к демографическому развитию России внес А.Г. Вишневский, ключевым элементом его концепции, которая представляет одну из моделей перехода, является положение об объективном и универсальном характере этого процесса. Критика теории перехода основывается на тезисах о наличии значительной региональной демографической дифференциации и существовании глубокой зависимости демографической динамики от природных и социальных факторов. В научном сообществе неоднозначно относятся к интерпретационным возможностям теории демографического перехода. Современная ситуация с региональным демографическим разнообразием обуславливает дискуссии по вопросу прогностических способностей этой теории. Но, несмотря на серьезную критику, теория демографического перехода обладает описательными, аналитическими и объяснительными ресурсами, позволяющими использовать ее в качестве теоретико-методологического конструкта для исследований истории населения России и ее регионов. Методологическую альтернативу этой демографической теории составляют регионоведческий и инстуциональный подходы.

Литература:

1. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг.Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

2. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М. –Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.

3. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 368 с.

4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г.Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

5. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.

6. Исупов В.А. Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2.С. 36–42.

7. Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16.

8. Клупт М.А. Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008. 347 с.

9. Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г., Корнилов Г.Е. и др. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1996. 212 с.

10. Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., А.Г. Оруджиева А.Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2013. 360 с.

УДК 94(47)
ББК Т3(2)р ГСНТИ 03.23.55 Код ВАК 07.00.02

Р.С. Бахтияров
Оренбург

КОНЬ ДЛЯ АРМИИ: ОЦЕНКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ВОЕННЫХ ЦЕЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кавалерия, лошади, Первая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Российская империя.

АННОТАЦИЯ. В работе рассматривается проблема использования лошадей в войнах России в первой половине XX века. Приводятся данные о количестве использованного для этих целей животных, а также сведения о мероприятиях по повышению эффективности применения кавалерии.